

Александр Волков, Александр Привалов

Рассуждение о рейде по методу барона Кювье

Устойчивые рейдерские группировки не могут существовать иначе,
чем под совместной опекой всех правоохранителей региона — во главе с чекистами

Тема рейдерства — незаконного захвата предприятий и объектов недвижимости — стала хитом сезона. Собираются круглые столы, где эксперты судачат об этой напасти, и конференции, где народ пытается научиться друг у друга методам защиты от неё. Президент страны выражает обеспокоенность.

Видные чиновники делают мрачные заявления. Полпреды президента в нескольких округах чуть не хором призывают прокуратуру активнее бороться с этим злом. Генеральная прокуратура, в свою очередь, заявляет, что, конечно же, она берёт под свой контроль работу по противодействию рейдерству. Известный адвокат пишет роман «Рейдер», который, по мнению автора, может послужить учебником и рейдерства, и антирейдерства (второе, увы, — более явная похвальба); роман имеет неплохие шансы выбиться в бестселлеры. Вперевод раздаются голоса о готовящихся и уже представленных законопроектах, которые наконец поставят заслон рейдерству, а также о том, что никакие заслоны невозможны, пока в Уголовном кодексе не появится чёрным по белому само это слово...

Ну последнее-то, на наш взгляд, — просто ошибка. Слово это не очень нужно не только что в УК, но и вообще в обиходе. В начале девяностых мы точно так же зря усыновили слово *киллер*: простые слова *убийца* или *наёмный убийца* значат ровно то же самое, не намекая на причастность к прогрессу. Но тогда хоть не просили вписать киллерство в УК, а теперь подобные речи ведут — хотя в кодексе рейдерство не нужно: оно там и так очень неплохо описано. Есть там статьи 330 («Самоуправство») и 159 («Мошенничество»), есть и статья 210 («Организация преступного сообщества»). В смысле же терминологическом там очень хороши вполне относящиеся к делу статьи 161 («Грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества») и 162 («Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества»). Если бы нынешних мастеров нагло отнимать чужую собственность называли просто грабителями, а не по-киношному романтическими рейдерами, то, возможно, быстрее удалось бы понять устройство этого расплодившегося безобразия (см. «Новый класс хищников»). Пока же широкой публике — да и специалистам — понятно далеко не всё. Неизвестно даже, насколько это явление распространено.

Статистика и её странности

Все согласны: рейдерства стало много; но сколько именно — не поймёшь. Заместитель генпрокурора РФ по Центральному округу Малиновский говорит: «Рейдерство достигло таких масштабов, что уже реально угрожает развитию экономики, а отсутствие даже четкой статистики таких преступлений говорит об отсутствии единых подходов в борьбе с этим явлением». По его словам, в прошлом году в округе было возбуждено 91 уголовное дело по фактам рейдерства, в том числе 53 в Москве и 20 в Московской области. Как же это: меньше сотни случаев в год — и угрожает развитию экономики? Прокурор Москвы Семин цифры подтверждает, дополняя их динамикой: 11 «фактов» в 2003 году, а в 2006-м — да, 53; пятикратный рост за четыре года. Сильно, но на национальное бедствие как-то вроде не тянет.

Больше похожи на бедствие цифры, приводимые главой комитета Госдумы по собственности Плескачевским: с 2002-го по 2005 год около пяти тысяч российских компаний сменили своих владельцев обсуждаемым образом; это — плюс динамика по Сёмину — уже вполне макроэкономический фактор. Но совсем мрачную и, на наш взгляд, самую правдоподобную статистику дают люди нечиновные. Так, сотрудник Санкт-Петербургского юридического института Генпрокуратуры РФ Елена Валласк, ссылаясь на данные консалтинговых агентств, говорит, что в РФ ежегодно совершается 60-70 тысяч рейдерских атак. Вот это уже совсем беда. Откуда в цифрах расхождение на три порядка, понятно: люди говорят о разных вещах. Нечиновные говорят о

числе рейдов, а прокурорские — о числе возбуждённых по таким фактам уголовных дел, а их и вправду совсем мало. В 2005 году их было возбуждено 346, из которых до суда довели 61, а обвинительные приговоры были вынесены лишь в 11 случаях. Количество дел, можно предположить, в какой-то мере отражает число крупнейших рейдов: когда среди бела дня у владельцев отбирают большой завод, совсем не почесаться правоохранительным органам бывает всё-таки слишком затруднительно. Но рейды, жертвой которых становятся владельцы магазина, дома, автомастерской и проч., суть точно такие же грабежи — и их нельзя не принимать в расчёт. А если принимать, то выходит одно уголовное дело на 173 рейда, один суд на тысячу грабежей и

попыток грабежа, один приговор на пять с половиной тысяч. В переводе на русский язык — рейдеров у нас не трогают.

Отчего же так? Общепринятое объяснение таково (цитируем первый попавшийся отчёт об очередной конференции): «Доказать факт рейдерства — незаконного захвата предприятия — чрезвычайно трудно: уголовные дела запутаны, а квалификации следователей не хватает, чтобы разобраться во всех хитросплетениях. Теоретически рейдеров можно привлечь к суду по отдельным статьям УК РФ, но на практике это происходит крайне редко из-за сложностей с доказательной базой». Насчёт квалификации следователей — это, может, отчасти и верно. А вот всё остальное... Хорошо, не всякое дело против рейдеров вам удаёт-

Щ Новый класс хищников

Внешне рейд отличается от недружественного поглощения (тоже вещь малоприятная) тем, что жертва рейда не имеет шанса получить больше десятой доли рыночной стоимости отобранного у неё имущества. По сути рейд отличается от недружественного поглощения тем, что в нём наличествует состав уголовного преступления. Насчёт того, кто же должен выявлять таковые составы, см. основной текст.

Схемы, применяемые рейдерами, весьма многообразны. Мы приведём здесь модельный случай, в котором видны начатки основных типов действий сегодняшнего рейдера.

Генеральный директор компании А — совращенный ли настоящий, поддельный ли от рейдера — нагло совершает имущественную сделку с «бабочкой», фирмой-однодневкой, сливая ей все активы компании, движимые и недвижимые. Не обязательно даже за гроши; можно и за миллиарды — платить «бабочка» всё равно не будет. Затем активы перепродаются — самим ли себе, на открытом ли рынке, — а «бабочка» ликвидируется.

Владелец А (бывший) пытается вернуть своё через арбитраж. Но для того чтобы изъять имущество по виндикации у добросовестного приобретателя, нужно добиться признания недействительной исходной сделки — той самой, с «бабочкой». Но «бабочка» ликвидирована, и суд обязан (в соответствии с прошлогодними толкованиями председателем ВАС Арбитражного процессуального кодекса) прекратить рассмотрение спора за отсутствием одной из его сторон. Владельцу приходится искать уголовного правосудия.

А там следователь, приняв заявление о преступлении, через какое-то (процессуальное) время решает в возбуждении дела отказать. Если жертва настаивает, то надзирающий прокурор через какое-то (процессуальное) время отказ отменяет и заново передаёт следователю. Тот через какое-то (процессуальное) время под копирку повторяет отказ и снова шлёт к прокурору. Тот через какое-то... Число оборотов карусели ограничивается только терпением жертвы, но возбуждения уголовного дела, статуса потерпевшего, а тем самым и основания вернуть своё имущество по виндикации она всё никак не получает.

В некий момент к горемыке приходят люди и намекают на возможность за конкретные деньги решить проблему неформальными методами. Если человек настолько разъярён и неосторожен, что соглашается и даёт деньги, то сказочке конец. К нему приходят другие люди и говорят: ну ты, парень, попал. Ты же человека заказал, ты уголовный преступник. Так что либо прекращай бегать по инстанциям, либо садись.

Вот как-то примерно так.

ся довести до суда, а тем более выиграть. Но почему вы их — 172 раза на каждые 173 «факта» — просто не возбуждаете? И почему вам это позволяют?

Воля ваша, с этим надо разбираться.

Горстка раскопанных костей

Нетрудно собрать в один-два абзаца всё обобщающее знание о рейдерах, находящееся сегодня в публичном обороте. Итак: в России сложилась целая сфера преступного и полупреступного бизнеса, заключающегося в отъёме компаний, объектов недвижимости и иной собственности у законных владельцев с помощью разного рода злоупотреблений правовыми и правоприменительными механизмами, — рейдерство. Этот вид преступлений идет волнами: если где-то произошёл один случай, там вскоре произойдёт и второй, и третий, и десятый. В последние годы рейдерство, похоже, понемногу выходит из моды в столицах, где начинало свой мощный разбег, и перемещается в другие регионы, чем и объясняется обилие высказываний на эту тему полпредов президента, губернаторов и т. п. Для борьбы с этой гадостью необходима высочайшая квалификация правоохраните-

лей и всемерная внимательность собственников; спад моды на рейдерские захваты в столицах как раз тем и объясняется, что в Москве и в Питере собственники научились оберегаться от грабежа, да и следователи поднатаскались — вот злокозненные рейдеры и перемещаются в неискушённую провинцию.

Есть, впрочем, и альтернативная линия рассуждений. Рейдеры наглеют в тех регионах, где исполнительная власть не встала стеной на их пути. Характерный пример такого хода мысли можно найти в статье «Наехали на базу» («Тверская, 13» от 27 марта). В ней рассказывается о московской овощебазе, на которую рейдеры набегали дважды — видимо, занимаемый ею участок очень уж привлекателен. В первый раз, в 2003 году, на базу напал сам «Росбилдинг», находившийся тогда в расцвете рейдерской славы, но атака была отбита «с помощью правительства Москвы и при непосредственном участии мэра столицы Юрия Лужкова». Месяц назад на базу напали снова — на этот раз люди с визитками фирмы «Капитал Инвест»; угрожали директору такими словами: «Подумайте о себе, у вас же есть дети...» Но директор Яшина твёрдо знала, что делать: она «сразу обратилась за помощью к Юрию Лужкову». «Юрий Михайлович тут же дал указание разобраться в этом вопросе» — и через несколько дней ей позвонил усмирённый рейдер и сказал, что они «ничего плохого не хотели» и больше не придут. Мы не сомневаемся, что этот триллер с двумя хеппи-эндами правдив — не станет же врать газета правительства Москвы, — но общепризнанная распространённость рейдерства в Москве заставляет нас сформулировать вывод из статьи очень осторожно. Примерно так: главе региона по силам остановить рейд, если жертва рейда сумеет к нему пробиться.

Хотя и этот вывод, пожалуй, слишком смел. Один из авторов этой статьи, став объектом рейдерской атаки в некоем дальневосточном регионе, сумел пробиться к губернатору и стал было раскладывать перед ним разоблачительные материалы, но быстро понял, что губернатор отлично осведомлён обо всех деталях и без него. Такие вещи не всегда скрываются. Например, воронежское телевидение показывало, как, выступая на митинге рабочих экскаваторного завода, тамошний губернатор и экс-глава УФСБ Владимир Кулаков обличал бывших одного завода владельцев: «Говорят: это же рейдерство сейчас осуществляется, администрация захватывает завод. Да. Насильно захватываем завод (губернатор признаётся в совершении преступлений, предусматриваемых статьёй 162 УК РФ "Разбой", — от восьми до пятнадцати лет. — Авт.). Но не одни (статья 210 УК, преступное сообщество — от десяти до двадцати лет. — Авт.). А вместе с, на наш взгляд, хорошим инвестором». Значит, вывод нужно делать ещё аккуратнее: *глава региона может остановить рейд, если жертве рейда удастся к нему пробиться — и если сам губернатор не участвует в крышевании именно этого рейда.*

Но способен ли губернатор наложением рук лечить рейдерскую проказу — вопрос всё-таки второстепенный: если и способен, то, видимо, по разным причинам не поспекает. Главным во всех до единой речах о рейдерстве остаётся тезис о прямой его связи с коррупцией. Подробностей, как правило, не добавляют, но бывают и исключения. Например, депутат Мосгордумы Ковалёв, по выражению журналиста «Вечерней Москвы», «комментирует эти вопросы вполне конкретно»: «Достаточно недолгая эпоха рейдерства породила образование внутри силовых структур таких "команд", которые, используя свои возможности и спецсредства, способны поставить на грань разорения практически любую процветающую компанию. Создавались они как механизм экономического воздействия под заказ "сверху". Используются иногда для установления контроля над предприятием, а иногда и ради получения денег. При этом предметом шантажа могут стать как финансовые и налоговые нарушения, так и личная жизнь владельцев. Уровень специалистов в таких командах настолько высок, что им уже не нужны какие-то комбина-

ции с акциями. Они обросли связями в прокуратуре и судах и при необходимости подключают их. Думаю, именно с этим явлением, которое, видимо, в последнее время вышло из-под контроля, и собираются бороться на высшем уровне».

Команды силовиков, созданные *под заказ сверху*, но вышедшие из-под контроля и грабящие уже по собственной инициативе, — это сильное утверждение. Прав ли смелый депутат? Прямой информации на этот счёт у нас, конечно, нет — так попробуем разобраться по методу барона Кювье. Он, как известно, реконструировал целые организмы по немногим частям, найденным при раскопках: «Дайте мне одну кость, и я восстановлю животное». Из раскапываемого нами мегатерия, рейдерства, в нашем распоряжении изрядная горка костей. Порассуждаем.

Почему они не боятся?

Итак, достаточно очевидно, что рейдерством занимаются некие устойчивые группы: десятки тысяч грабежей в год предпринимают не десятки тысяч наглых новичков с улицы, а несколько десятков профессиональных коллективов — от силы несколько штук на регион. Если какие-то люди раз за разом настойчиво проводят захваты чужой собственности, это значит, как минимум, что им не страшно этим заниматься. Да, во многих распространённых типах рейда атакующие используют прорехи законодательства, придавая каким-то своим действиям видимость законных, но только части действий — и только видимость. По сути же любой рейд есть прямая уголовщина, и кто-кто, а уж его субъекты не могут этого не понимать. Тем не менее сама устойчивость групп ясно показывает, что рейдеры занимаются своим грязным делом без особого страха, а то и вообще без страха. Поскольку речь идёт не о маргиналах, а о бизнесменах, и не о разовых рывках через простреливаемое пространство, а о регулярном бизнесе, то, надо полагать, они имеют серьёзные основания не бояться сгореть. Попробуем понять какие.

Сам рейд, в принципе, может быть проведён собственными силами рейдера — например, с помощью «почтовых технологий», базирующихся на прорехах Закона о госрегистрации юрлиц. Но, конечно, атаковать проще, а выбор мишеней шире, если рейдер заручится помощью конкретных служителей закона — например, какого-нибудь регистрирующего чиновника. Такие соратники существенно облегчают рейдеру достижение поставленной цели, но обеспечивают ли они его безопасность?

Нет, потому что потерпевший непременно отправится в милицию — требовать, чтобы ему вернули нагло отобранную собственность, а обидчика наказали. Для милиции такое дело — лакомый кусок. Всё на ладони: и в объективном аспекте (вот он, украденный домик, — улица такая-то, номер такой-то), и в субъективном (домик-то отошёл не к баснословному Кудяру, а к совершенно конкретному лицу). Возбуждай дело, раскрывай — и ставь галочку. Тут уместно опровергнуть распространённое заблуждение: то и дело говорят и пишут, что у добросовестного приобретателя украденного домика этот домик отобрать нельзя (и потому, в частности, с делами о рейдерстве правоохранители не желают связываться). Ничего подобного! У самого добросовестного приобретателя краденый домик изымается по виндикации, то есть даже без возмещения затрат, в шесть секунд — см. статью 302 ГК. Вывод тут может быть только один. Разовый рейд, конечно же, может проскочить и «дуриком». Но если люди, постоянно занятые рейдами, не боятся, что мент, к которому придёт ограбленный, возбудит и раскрутит уголовное дело, значит, у них есть *свой мент*, причём с достаточно весомыми погонами.

Но ведь потерпевший, не найдя правды в милиции, обязательно пойдёт жалиться на ментов в прокуратуру. Для прокуратуры такое дело — дважды лакомый кусок. Всё на ладони. Возбуждай дело, сажай и рейдера, и так явно его крышующего мента — и ставь сразу две галочки. Если рейдеры и этого поворота

Комфорт и динамика, рука об руку

Новый С-Класс в Панавто

- Это не просто новый автомобиль. Это новые, ни с чем не сравнимые ощущения. Вы чувствуете энергию и устремленность уже в самом облике «Mercedes-Benz» С-Класса. Оказавшись в просторном салоне, Вы погружаетесь в царство настоящего комфорта, ощущая превосходное качество материалов внутренней отделки салона. За рулем «Mercedes-Benz» С-Класса Вам по-настоящему удобно: вся необходимая информация перед Вами на стальной двуцветной панели. Пассажиры на задних сиденьях чувствуют себя не менее комфортно.
- С 21 апреля «Mercedes-Benz» С-Класса ждет Вас в автосалоне ПАНАВТО.

Mercedes-Benz

панавто

Официальный дилер

Москва, Звенигородская 2-я ул., д. 13. Тел.: 790-77-77

Победить системное рейдерство может только сильный независимый суд

событий не бояться, значит, у них есть и *свой прокурор*, причём тоже далеко не самый мелкий. Бытуют иллюзии о существовании надзора Генеральной прокуратуры, но до ГП РФ не всякий дотянется (прокуратура замечательно умеет отписываться), хотя о ГП мы ещё вспомним.

Потерпевший может кинуться в суд, скорее всего в арбитражный, только там он (опять см. «Новый класс хищников») едва ли добьётся толку. Но чтобы он там окончательно уперся в тупик, нужен свой *судья* — свой или для рейдера, или для кого-то из крышевателей.

И потерпевший двинется туда, куда может пойти всякий — в региональное управление ФСБ. Для конторы такое дело — уже настоящие именины сердца: с минимальными затратами труда можно вскрыть и обезвредить целое гнездо оборотней, тем более что и прокурорских, и ментов чекисты сильно не любят. Раз рейдеры не опасаются и этого, то и в конторе у них должен быть *свой* — и, уж конечно, не какой-нибудь лейтенант.

Но тогда позвольте спросить: как же это сделано? Точнее — как это делается в первый раз? Если необходимым условием безопасного совершения первого же рейда оказалось наличие столь многослойной крыши, то первый рейд становится для рейдера запретительно дорогим и сложным. Л раз первые рейды тем не менее случаются и проходят успешно, приходится предположить, что не рейдер в них главная фигура: человеку «с улицы» такую крышу не сколотить. Сначала *некто* изнутри силовых структур договаривается со всеми необходимыми людьми, а уж

потом нанимают кого-нибудь на роль рейдера. Откуда же этот некто? Теоретически говоря, он мог бы служить по любому из перечисленных ведомств, но это очень уж теоретично. На практике неединичные события всё-таки обычно происходят наиболее естественным образом. Сотрудники какой структуры по *должности* имеют своих людей во всех остальных? Вот именно.

Так логика на уровне даже не Холмса, а зауряднейшего Вапсона приводит к неотвратимому выводу: устойчивые рейдерские группы сколачиваются и управляются серьёзными людьми из региональных управлений ФСБ. По крайней мере, в большинстве случаев. Прав ли депутат Ковалёв, создавались ли эти группы «под заказ сверху», — сегодня вопрос сугубо академический. Так ли, иначе ли, но кукловоды есть, и группы работают. Собственно же рейдеры — всякие там «Инвесты» и «Билдинги» — суть не более чем наёмники, работающие отчасти за долю награбленного, а отчасти, вероятно, за страх. Естественно ведь предположить, что заняться рейдерством предлагают не первым встречным, а людям, уже сидящим на каком-то «крючке»; но даже если не так, то, совершив первый рейд, наёмник оказывается уже на таком крючнице, что век не слезет: шаг в сторону, одно лишнее слово — и любое прежде не возбуждённое дело моментально возбуждается...

Мы обещали вернуться к Генпрокуратуре — возвращаемся, чтобы изложить гипотезу, которую не можем доказать. Версия, согласно которой крупняк перестал страдать от рейдерских налётов просто потому, что научился выстраивать дорожную и надёжную юридическую защиту, не представляется нам убедительной. Зато, покопавшись в подшивках, можно заметить, что налёты на большие компании прекратились примерно тогда же, когда сменился генеральный прокурор. Предположение о том, что эти события между собой связаны, выглядит логично: большая компания имеет гораздо больше шансов достучаться до Генпрокуратуры, чем владелец парикмахерской, а раз рейдеры этого не боялись, то едва ли благодаря связям региональных кукловодов самих по себе. Стало быть, заказ на действительно большую мишень невозможен, если в его исполнении не участвует ГП. Впрочем, повторим, доказательств у нас нет — возможно, налицо случайное совпадение.

Что делается

Следует признать, что делается довольно многое. Вот три, на наш взгляд, наиболее заметных направления нынешней антирейдерской работы.

1. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Во многих регионах всё гуще идут семинары, школы, круглые столы и проч., обучающие собственников и менеджеров приемам защиты от рейдера. Слушателям там дают, в общем-то, разумные советы по части методов самообороны. Вот, например, какие десять наставлений получил малый бизнес Санкт-Петербурга*:

— *провести правовую экспертизу учредительных документов; внести в них изменения, запрещающие отчуждение долей участниками ООО третьим лицам;*

— *обеспечить хранение учредительных документов в труднодоступных сейфах;*

— *сконцентрировать весь акционерный или уставный капитал в руках узкого круга доверенных лиц;*

— *передать ведение реестра акционеров независимому и проверенному регистратору;*

— *заблокировать свои акции в реестре акционеров, подав соответствующее заявление регистратору, либо заложить их, либо наложить судебный арест, инициировав судебное разбирательство;*

— *регулярно получать выписки из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) на организацию либо выписки из реестра акционеров;*

*«Деловой Петербург», 27 марта 2007 г.

— регулярно получать выписки из ЕГРЮЛ на организацию на предмет проверки данных о том, кто является единоличным исполнительным органом;

— привлечь по возможности управляющую компанию в качестве исполнительного органа, нанять службу безопасности;

— вывести активы на юридическое лицо, не занимающееся активной хозяйственной деятельностью (чтобы внешнюю деятельность вело одно юрлицо, а активы были сосредоточены в другом юрлице);

— периодически получать выписки из ЕГРП о состоянии прав на недвижимое имущество.

Не ко всем этим советам можно присоединиться (скажем, храни учредительные документы хоть в Оружейной палате, любой желающий всегда может получить их копию у налоговиков). Но в целом не возражишь: меры предосторожности принимать по мере сил надо. Что бы там ни говорили разные вольтерьянцы, а мыть руки перед едой гораздо полезнее, чем не мыть. Только эпидемию холеры мытьём рук уже не останавливают. Совсем уж шпану такого рода предусмотрительность отпугнёт — но не более того. Позвольте не вдаваться в подробности, но ни один из процитированных советов, ни все они вместе никак не гарантируют от успешной атаки даже со стороны умелого одиночки. Такая самооборона, пожалуй, заставит его подумать, не взяты ли за менее предусмотрительную добычу; но если ему, например, заказано именно ваше имущество, он его съест без особого труда. Сказанное тем более верно в отношении «устойчивой рейдерской группы».

2. Закрыть дыры в Законе о госрегистрации юридических лиц. Мы давно уже говорим о том, что некоторые положения этого закона породили целую отрасль безнаказанных грабежей, мы даже опубликовали («Эпидемия из "одного окна"», «Эксперт» № 39 за 2005 год) несколько простых, но неотразимых — и широко распространённых! — приёмов рейдерства, прямо опирающихся на эти положения. К сожалению, злосчастный документ являет собой предмет авторской гордости министра Грефа, несколько лет подряд на всех углах хвалившегося этим шедевром *дебюрократизации*. Видимо, именно поэтому закон до сих пор никто не решался пальцем тронуть и дыры в нём продолжают приносить хлеб с маслом множеству мерзавцев. Наконец нашлись люди, решившиеся подготовить проект поправок, эти дыры закрывающих: в начале нынешнего года проект внесён в Думу с помощью специалистов Следственного комитета при МВД.

Предлагаемые поправки обяжут регистрирующий орган проводить проверку представленных для регистрации сведений и, при обнаружении признаков их недостоверности, направлять материалы в органы внутренних дел. Кроме того, проект предусматривает введение обязательного нотариального удостоверения протокола собрания учредителей, установление обязательного удостоверения в регистрирующих органах личности заявителя с исключением присылки по почте заявления о госрегистрации, обязательное письменное уведомление со стороны регистрирующего органа о планируемых регистрационных изменениях. (Напомним, что всех этих банальностей в действующем законе категорически нет, а возможность, отправив любую подделку по почте, изменить что угодно в регистрационных данных избранной для рейда компании — так, что она об этом и не узнает, — очень даже есть.)

Замначальника СК Алексеев считает, что эти поправки позволят «стабилизировать ситуацию на рынке легального слияния и поглощения, устранить возможность криминального перехода прав собственности на имущественные комплексы юридических лиц». На наш взгляд, сказано чересчур сильно. Эти поправки нужны позарез, но польза от них будет не настолько велика. Они существенно затруднят «работу» рейдерам-одиночкам, не располагающим зачастую ничем, кроме компьютера, принтера

и подлости, — поэтому они заметно снизят *несистемное* рейдерство. Но устойчивым группам с многослойными крышами права Закона о госрегистрации помешает мало — в их распоряжении слишком много приёмов и помимо посылки по почте фальшивой бумажки о замене гендиректора.

Тем не менее мы очень надеемся, что эти поправки будут приняты. Поручиться за это, впрочем, пока нельзя: первоначально планировалось, что они пройдут первое чтение в марте этого года, но ни в марте, ни в апреле о них ничего не было слышно.

(Забавно, что за те годы, что грефовский закон берегли, как яйцо Фаберже, прикосновенные к делу госструктуры прекрасно поняли, чем и насколько он опасен, и пытаются хоть как-то смягчить его вредоносность. ФНС на своём сайте предлагает — пока в режиме *опытной эксплуатации* — делать по просьбе налогоплательщиков примерно то, что по мысли СК МВД вскоре будет делать автоматически: введя название компании или ее основной регистрационный номер, человек может проверить, подавались ли в налоговые органы документы для внесения изменений в основные сведения о его фирме. Услуга появилась сравнительно недавно и о ней ещё мало кто знает, но только за последнюю неделю марта поступило четыре тысячи таких запросов... Триста уголовных дел за год, ага.)

3. «Антирейдерский» правительственный законопроект. Он только что принят в первом чтении, и «Эксперт» о нём писал («О выдавливании рейдера по капле», № 14 за 2007 год).

Напомним вкратце: проект направлен на то, чтобы залатать хотя бы основные дыры в законах, сквозь которые хлещет вал рейдерства. Для этого вносится несколько более или менее принципиальных новаций. Главная из них — вводится понятие *корпоративных споров*, каковыми будут считаться «споры о защите прав и интересов коммерческих организаций независимо от организационно-правовой формы ... в связи с организацией деятельности, членством или участием в капитале». Такого рода споры, как и некоторые смежные виды тяжб, будут теперь рассматриваться только в арбитражных судах по месту нахождения соответствующего юрлица. Любые связанные между собой претензии будут объединены в одно производство — и оппонентам будет несравнимо удобнее отстаивать свою точку зрения. Практики понимают, что такая мера не принадлежит к числу необъезжаемых, но в целом возможностей подыскивать удобных судей и изводить оппонента атаками с неожиданных сторон должно стать меньше, а порядка, стало быть, больше. К этой же цели направлены и другие новации обсуждаемого проекта: вводится норма об обязательном оперативном извещении затронутого юрлица о принятии искового заявления и о важнейших стадиях прохождения дела; упорядочивается процедура принятия обеспечительных мер; вводится специальный, упрощённый порядок обжалования определений, принимаемых арбитражем в ходе рассмотрения корпоративного спора, и т. п.

Всё это, несомненно, полезно. И совсем полезно будет, если всё-таки поправят и Закон о госрегистрации. (Если этого не сделать, главную идею «антирейдерского» закона, сведение всех корпоративных споров в один чётко определённый суд, серьёзный рейдер будет умножать на ноль в любой удобный для себя момент.) Но не будем себя обманывать: и эта чистка нормативной базы создаст преграды прежде всего для *несистемных* рейдеров. Это, спору нет, тоже хорошо, но устойчивых рейдерских групп, крышуемых, как мы с вами логически установили, всеми региональными правоохранителями, так не остановить.

Что нужно делать

А как остановить рейдеров *системных*, работающих в устойчивых группах под присмотром региональных чекистов? Пока что их, как мы видим, останавливать не очень-то и пытаются. Желание во всём найти если не хорошие стороны, то хотя бы хоро-

шие перспективы могут увидеть их и здесь. В самом деле, пусть силовые структуры, так явно обделённые в приватизации девяностых годов, получают долю собственности, более соответствующую их роли в сохранении государственности. Нехорошо, конечно, что это происходит такими неблагоприятными методами, но, в конце-то концов, какая разница? Важен результат: получив правильную часть имущественной власти, силовики станут надёжной составной частью консенсуса элит, которого, собственно, и не хватает нам для национального подъёма.

На наш взгляд, эта благая перспектива всё-таки слишком туманна. Трудно быть очень уж уверенным, что вторая волна оперов, выбившись в операторы, сумеет повернуть дело к наведению устойчивого порядка, к незыблемости права собственности и проч., — слишком очевидно на нашей памяти такой поворот не удался первой волне. Совсем коротко говоря: не очевидно ни то, что вторая волна намерена остановиться вовремя (на *правильной* доле имущества — и власти), ни то, что за обделёнными в девяностых не настанут обделённые в нулевых, — и так далее. К тому же поверх несколько отдалённой перспективы консенсуса элит всё заметнее гораздо более актуальная тенденция. Хотелось бы ошибиться, но кажется, что всё большая часть активных людей склоняется к эскапизму. В применении к бизнесу такая склонность выражается в нарастающем желании продать к чёртовой матери свой бизнес, пока он ещё свой, и удариться в эмиграцию — хоть внешнюю, хоть и внутреннюю. Не ясно ли, что эти настроения прямо связаны, в частности, с разгулом рейдерства? А если они и впрямь возобладают, светлое будущее какого бы то ни было покроя в очередной раз сильно отодвинется. Поэтому что-то делать с системным рейдерством — надо.

Осталось понять что. Мы, пожалуй, оставим в стороне вопрос о том, что делают, что должны и что могут сделать в борьбе с устойчивыми группами рейдеров службы собственной безопасности ФСБ и прочих силовых структур: мы об этом мало знаем, а те, кто знает, делиться с публикой не склонны. Но представляется очевидным, что должен быть активизирован внеположный силовикам центр борьбы с этим злом. И придумывать его не надо: давно придуман. Называется он — независимый суд.

«Своих» судей не должно существовать в природе. Должна существовать разумная степень уверенности в том, что дело о рейдерстве, в каком бы виде оно ни предстало в суде, будет рассмотрено беспристрастно и по закону — и рейдерство, в том числе системное, перестанет существовать как массовое явление. Ведь никакое крышевание рейдеров силовиками не мешает потерпевшим дойти до суда — хоть арбитражного, хоть уголовного. Если бы суды раз за разом неукоснительно называли грабёж грабежом, а рейдеров — преступниками, то и эти самые многочисленные крыши быстро затрещали бы и развалились.

А для того чтобы помочь судам избавиться от зависимых председателей, а честным судьям — от контроля каких бы то ни было кукловодов, нужно: при занятии должности председателя требовать от кандидата официального заявления о его связях со спецслужбами либо их отсутствии, а существующий контроль над судьями от председателей судов передать обществу. Судья должен знать, что он не лишится полномочий ни по какой причине, кроме собственных прегрешений в отправлении правосудия, фиксируемых не начальством, а обществом. Возможный вариант такого устройства суда мы уже предлагали (см. «Судилия», «Эксперт» № 5 за 2005 год), и он, по нашим наблюдениям, нашёл немало сторонников, но даже начать его реализацию пока никто не смог. Однако так ли, иначе ли, но суд усиливать надо. Сделайте, на первый случай, судей реально независимыми от председателей судов — нанесёте мощнейший удар не только по рейдерству, но и по многим другим российским бедам.

Карфаген должен быть разрушен. В России должен быть сильный и независимый суд

• Рижники Кирилла Рубцова